

Г.О. Яровой доцент Петрозаводского университета

Во-первых, большое спасибо организатором круглого стола за приглашение. Я, конечно, сам определил свою миссию скорее как слушателя, поскольку очень редко удается «вживую» услышать коллег, сидящих за этим столом. Много из того, что было сказано, я разделяю. Но вместе с тем, хотелось бы высказаться не столько о проблемах российского федерализма (к тому же я лучше ориентируюсь в вопросах европейского регионализма), сколько о том, какие вопросы из заявленной проблематики кажется мне наиболее перспективными для исследования.

Для меня регионализм выглядит несколько иначе, чем его описывали сегодня многие коллеги. Именно поэтому то, о чем говорил Ростислав Туровский в самом конце своего доклада, меня «зацепило» больше всего. Мы много занимаемся концептуализацией проблем российского федерализма и регионализма «на высшем уровне», то есть тем, что можно с точки зрения дефиниций определить как, нисходящий (“top-down”) регионализм, той повесткой дня, которая формулируется на федеральном уровне и потом спускается на региональный уровень.

Эта повестка дня, пользуясь терминологией Владимира Гельмана, - часть той «институциональной ловушки», в которую мы себя (или нас) загнали довольно много уже лет назад, и говорить, что ситуация с федерализмом в России может как-то поменяться без изменения системы управления в целом, мне кажется, вообще не актуально. То же самое касается и нисходящего регионализма.

Поэтому, на мой взгляд, более актуальным пунктом исследовательской повестки дня является восходящий (“bottom-up”) регионализм, социокультурный регионализм, формирующийся на субгосударственном уровне. И регионализация как процесс восходящий мобилизации элиты и социума на региональном и даже еще ниже регионального уровнях. Элиты не только и не столько политической и экономической, сколько элиты культурной, интеллектуальной, академической, журналистской и т.д. Есть ли

сегодня в российских регионах элиты, заинтересованные в регионализме не только как в борьбе за власть с Центром, но и способные формулировать собственную позитивную региональную программу? Насколько это вообще актуально для современной России, насколько это актуально для российских регионов?

Возможно, на основе изучения различных случаев должна появиться типология российского регионализма. Ведь реальные примеры регионализма в России наверняка существуют. Но все смотрят на федеральный уровень и констатируют предсмертные конвульсии федерализма, а вместе с ним и регионализма. Мы, политологи, привыкли мыслить концептуально, и довольно часто забываем, что есть другие уровни территориальной иерархии, другие уровни управления, которые не всегда подчиняются общефедеральным закономерностям.

Например, Карелия. У нас есть свои регионалисты, которых нельзя отнести ни к политической, ни к экономической элите. Это организованная социальная группа, называющая себя «Свободной Карелией», они изобрели свой флаг, сформулировали свои цели и пытаются их транслировать социуму различными способами (в том числе издают книги, ездят на конференции, устраивают митинги), встречаются с другими регионалистами в России и Европе. Они, вполне традиционно для регионалистов, выступают за возможность создания региональных партий, за изменение системы перераспределения налогов, за сохранение региональной этнокультурной идентичности. Не так давно они в шутку «выпустили» (на принтере напечатали) региональную валюту, назвали ее «Карельские руны». Об этом показали сюжет по региональному телевидению, после чего был уволен главный редактор региональной телекомпании, который никакого отношения к «регионалистам» не имел.

Есть примеры и в соседних регионах, например, в Архангельской области, где местный регионалист Иван Мосеев, кстати, сотрудник Северного (Арктического) федерального университета, осужден в 2013 году

за возбуждение национальной ненависти и экстремизм. Не берусь оспаривать приговор суда, но существует мнение, что проблемы с правосудием у Мосеева непосредственно связаны с его активной деятельностью по отстаиванию прав этнической группы поморов.

В свете изложенного, есть уверенность, что для исследователей регионализм и регионализация как стратегия и процесс «восходящей» мобилизации не только интересны, но и актуальны.

Есть еще второй перспективный, на мой взгляд, пункт исследовательской повестки дня. Мне не очень нравятся англицизмы, но вместе с тем я не могу подобрать подходящего перевода для слова «actorness». Это, видимо, полномочность регионов, их способность и возможность быть участниками политических событий и экономических процессов как на национальном (федеральном) уровне, так и в транснациональном контексте. Собственно, моим «вторым пунктом» как раз является региональная «акторность».

Возможна ли в принципе в России региональная акторность? Если возможна, то каковы факторы, которые способствуют и препятствуют развитию региональной акторности?

С моей точки зрения, например, одним из таких факторов является региональная парадипломатическая деятельность, то есть использование региональными властями и другими региональными акторами возможностей сотрудничества с контрагентами из внешней среды. Фактически, можно говорить о парадипломатии как о международных связях региона, но у нас в стране не принято считать, что регионы участвуют в международных отношениях. В том числе и поэтому систему международного сотрудничества регионов уместнее называть региональной парадипломатией. Самого этого термина, кстати, боятся многие региональные руководители, в том числе и те, кто активно использует региональную парадипломатию как ресурс регионального развития. К парадипломатической деятельности

можно отнести и отношения региональных властей с «официальными лицами» иностранных государств и международных организаций, и сотрудничество с транснациональными корпорациями и международными неправительственными организациями и сетями (и даже участие в их деятельности), и трансграничное сотрудничество с регионами других государств.

Последнее, на мой взгляд, вообще может рассматриваться как один из рудиментов российского федерализма. Возможности региональных властей России «на равных» сотрудничать с региональными властями соседних государств добавляют нашим регионам искомой акторности, поднимают самооценку региональных акторов, способствуют региональному развитию.

Мои карельские коллеги-экономисты используют понятие «диффузия институтов», а в рамках нашей сегодняшней дискуссии это именовалось проще – европеизацией, европеизацией системы управления. По большому счету, региональные власти и другие региональные акторы, участвуя в совместных проектах, в общих институтах трансграничного сотрудничества, в трансграничных регионах, таких как еврорегион «Карелия», в программах европейского инструмента соседства и партнерства, где у них совместные органы принятия решения, которые действуют на основе консенсуса, учатся европейским стандартам управления (то, что в английском языке именуется *governance* и на русский язык тоже не переводится).

Понятно, что диффузия институтов происходит не только на уровне властей, то есть европеизации подвержены и другие стороны жизни приграничных регионов. В результате, например, меняется формат отношений между региональными властями и общественными организациями, общественными акторами. Мне кажется, что примеров можно найти немало.

Поэтому, на мой взгляд, вопрос о факторах региональной акторности в целом и о региональной парадипломатии, в частности, остается достаточно

интересным и актуальным для исследований, в том числе межрегиональных и междисциплинарных.